

Г Ю Н Т Е Р

Г Р А С С

*ПОД МЕСТНЫМ
НАРКОЗОМ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Гюнтер Грасс

Под местным наркозом

«Издательство АСТ»

1969

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Грасс Г.

Под местным наркозом / Г. Грасс — «Издательство АСТ»,
1969 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-163245-8

Главному герою, учителю немецкого языка и истории Эберхарду Штарушу, предстоит целая череда стоматологических операций, а врачи местной клиники считают, что просмотр телевизора отвлекает пациентов от боли, поэтому Штаруш проводит долгие часы за просмотром телепередач. Размышления о прошлом сливаются в голове Штаруша с информацией о текущей обстановке в стране, жизнь целого поколения проходит перед его глазами... XX век. Век бед, кровопролития, соучастия и равнодушия, сомнений и болезненных переживаний – вот о чем непрерывно думает Штаруш, вновь и вновь задаваясь вопросом: может ли общество, словно прилежный ученик, учиться на своих ошибках?

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-163245-8

© Грасс Г., 1969

© Издательство АСТ, 1969

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Гюнтер Грасс

Под местным наркозом

© Steidl Verlag, Göttingen, 2015

© Günter und Ute Grass Stiftung, Lübeck

© Перевод. С. Апт, наследники, 2024

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

1

Это я рассказывал своему зубному врачу. С набитым ватой ртом, напротив экрана, который – так же беззвучно, как я, – рассказывал рекламные объявления: спрей для волос, компания «Вюстенрот», ваше белье будет белее белого... Ах, и морозильник, где, расположившись между телячьими почками и молоком, пускала пузыри текста моя невеста: «Не лезь в это. Не лезь...»

(Святая Аполлония, заступись за меня!) Своим ученицам и ученикам я сказал: «Попытайтесь быть снисходительными. Мне нужно к зубному. Дело может затянуться. Временное, значит, помилование».

Смешки. Умеренные проявления непочтительности. Шербаум показал странную осведомленность: «Глубокоуважаемый господин Штаруш. Ваше выстраданное решение побуждает нас, ваших исполненных сочувствия учеников, напомнить вам о мученичестве святой Аполлонии. В 250-м году, в правление императора Деция, эта славная девушка была сожжена в Александрии. Поскольку перед тем эта банда вырвала у нее клещами все зубы, она считается покровительницей всех страдающих зубной болью, а также, что несправедливо, и дантистов. На фресках в Милане и Сполето, на сводах шведских церквей, а также в Штерцинге, Гмюнде и Любеке она изображена с коренным зубом в щипцах. Желаем приятного времяпрепровождения и благочестивой покорности судьбе. Мы, ваш 12-а, будем молить святую Аполлонию о заступничестве».

Класс пробормотал благословения. Я поблагодарил за более или менее остроумный вздор. Веро Леванд тут же потребовала от меня компенсации: моего голоса за то, чтобы учредить у велосипедного сарая место для курения, чего уже не один месяц добивались ученики. «Ведь вы же не можете хотеть, чтобы мы без присмотра дымили в сортире».

Я пообещал классу, что на ближайшем совещании и перед родительским комитетом выскажусь за ограниченное определенным временем разрешение курить, при условии, что Шербаум согласится стать главным редактором ученической газеты, если ему это предложит комитет солидарной ответственности учеников. «Простите за сравнение: над моими зубами и над вашей газетенкой надо поработать».

Но Шербаум это отвел: «Пока солидарная ответственность учеников не превратится в их самоуправление, я палец о палец не ударю. Идиотизм реформировать нельзя. Или вы, может быть, верите в реформированный идиотизм?.. Ну, вот видите... А насчет этой святой, между прочим, все верно. Можете заглянуть в церковный календарь».

(Святая Аполлония, заступись за меня!) Ибо однократный призыв у мучеников в счет не идет. Поэтому, отправляясь перед вечером в путь, я отложил третий призыв, и лишь на Гогенцоллерндам, за несколько шагов до той номерной таблички, что обещала мне на третьем этаже приличного доходного дома кабинет зубного врача, нет, лишь на лестничной клетке, между вагинальными арабесками в стиле модерн, которые фризом поднимались, как я, по лестницам, я решил скрепя сердце на третий призыв: «Святая Аполлония, заступись за меня...»

Его рекомендовала мне Ирмгард Зайферт. Она назвала его сдержанным, осторожным и все же твердым. «И представьте себе: у него в кабинете телевизор. Сначала я не хотела, чтобы он был включен во время лечения, но теперь я должна признать: это замечательно отвлекает. Словно ты в каком-то другом месте. И даже слепой экран и то занимателен, чем-то занимателен...»

Разрешается ли зубному врачу спрашивать пациента о его происхождении?

«Я потерял молочные зубы в портовом предместье Нойфарвассер. Тамошние жители, грузчики и рабочие верфи Шикау, любили жевать табак, соответственно выглядели и их зубы. И на каждом шагу они оставляли свои отметки: смолистую мокроту, которая ни при каком морозе не замерзала».

«Так-так, – сказал он, обутый в парусиновые башмаки, – но с последствиями жевания табака нам теперь вряд ли придется иметь дело». И уже перешел к другому: к дефектам артикуляции и к моему профилю, который с начала половой зрелости выступающая нижняя челюсть делает чересчур волевым, что можно было бы предотвратить своевременным зубоврачебным вмешательством. (Моя бывшая невеста сравнивала мою нижнюю челюсть с тачкой; а на карикатуре, пущенной в обращение Веро Леванд, на мою челюсть была возложена еще одна функция – грузовика с низкой погрузочной платформой.) Ну да, ну конечно. Я же всегда знал: у меня рубящий прикус. Я не могу размалывать пищу. Собака ее рвет. Кошка размалывает. Человек, жуя, делает оба движения. У меня этого нормального сочетания нет. «Вы рубите пищу», – сказал врач. И я уже рад был, что он не сказал: «Вы рвете ее, как собака». – «Поэтому мы сделаем рентгенограмму. Спокойно закройте глаза. Да и телевизор мы можем...»

(«Спасибо, доктор». Или я уже с самого начала сточил это обращение в фамильное «доктэр»? Позднее, в полной беспомощности, я кричал: «Помогите, доктэр! Что мне делать, доктэр? Вы же все знаете, доктэр...»)

Пока он своим снарядам, который прожужжал одиннадцать раз, лез в мои зубы, болтая при этом – «Я мог бы рассказать вам кое-что из предыстории зубоврачебного дела»... – я много чего увидел на молочном экране, например, Нойфарвассер, где я утопил молочный зуб в Мотлау, напротив Хольма.

Его фильм начинался иначе: «Пойдем от Гиппократы. Он рекомендует чечевичную кашу от абсцессов в полости рта».

А на экране качала головой моя мама: «Нет, не надо топить. Мы их сохраним в шкапулочке на голубой вате». Чуть выпуклая, разливалась доброта. Пока мой врач говорил историко-научными тезисами – «Полоскание перцовой настойкой помогает, по Гиппократу, от зубных опухолей», – моя мама говорила в нашей кухне-столовой: «И гранатовую брошь положу, и янтарь, и дедушкины ордена. И мы сохраним твои молочные зубки, чтобы потом жена и детки сказали: вот какие они были».

А он посягал на мои предкоренные, на мои коренные. Ибо из всех моих коренных зубов самыми надежными были зубы мудрости, восьмой плюс восьмой, восьмой минус восьмой. Они должны были стать опорами моста, который скорректирует и смягчит мой рубящий прикус. «Вмешательство, – сказал он. – Мы должны решиться на изрядное хирургическое вмешательство. Пока моя ассистентка будет проявлять снимок, – а я тем временем удалю камень, – не включить ли мне изображение и звук?»

Все еще: «Спасибо».

Он поступился принципами: «Может быть, восточную программу?» Мне хватало готового стерпеть что угодно экрана, на котором видно было, как я снова и снова, медленно топлю свой молочный зуб в портовой жиже напротив Хольма. Мне еще нравилась моя семейная история, ведь все началось с молочного зуба: «Конечно, мама, я утопил в порту зуб, вот его и не хватает. И его проглотила рыба, не судак, а донный сом, который все плохие времена пережил. Он все еще лежит там в засаде, ведь сомы живут долго, и ждет других молочных зубов. Но остальные зубки молочно-жемчужно, без камня, светятся на красной вате, а гранатовая брошь и янтарь, и дедушкины ордена пропали...»

Врач пребывал тем временем в одиннадцатом веке и рассказывал об арабском враче Аль-букасисе, который в Кордове первым заговорил о зубном камне. «Его надо снимать». Помню я фразы и такого рода: «Если кислотный остаток в щелочи составляет менее семи pH^1 , образуется зубной камень, потому что слюнные железы нижней челюсти выделяют слюну возле резцов, а околоушные – возле шестых плюс шестых – особенно сильно при предельных движениях рта, например, при зевании. Зевните-ка. Так, так, хорошо...»

Я во всем этом участвовал, зевал, выпускал слюну, которая образует камень, и все же не сумел заинтересовать доктора. «Так вот, доктор, как называется мой маленький фильм? – Спасенные молочные зубы. Когда в январе сорок пятого моей маме пришлось собирать манатки – ведь мой отец служил в лоцманском управлении и мог позаботиться о семье заблаговременно, – она покинула Нойфарвассер с последним транспортом. Но прежде чем покинуть его, она сложила самое необходимое, а значит, и мои молочные зубы, в большой брезентовый отцовский мешок, который, как то бывает при скоропалительном бегстве, погрузили по ошибке на „Пауля Бенеке“, колесный прогулочный пароход, „Пауль Бенеке“ не наскочил на мину и в целости, несмотря на перегрузку, добрался до Травемюнде, а моей доброй мамочке ни Любека, ни Травемюнде увидеть не довелось; ибо тот транспорт, о котором я сказал, что он был последним, наскочил на мину южнее Борнхольма, был торпедирован и – если вы соизволите обернуться и отвлечься от зубного камня – вместе с моей мамой, как тогда среди ледяного крошева, так и сегодня на вашем экране, пошел прямиком ко дну. Только несколькими господам из гаулейтерской службы удалось, говорят, вовремя перебраться на какой-то торпедный катер...»

Врач сказал: «Теперь прополощите!» (В ходе долгой работы он просил, понукал, вскрикивал: «Еще раз!», позволяя мне отвести взгляд.) Лишь изредка удавалось кадрам моего фильма убежать вместе со мной и затмить в плевательнице выброс в виде, например, осколков зубного камня. Расстояние между экраном и плевательницей, это мерцание при одновременном напоре слюны, изобиловало всяческими препятствиями и рождало как бы заключенные в скобки фразы: реплики моего ученика Шербаума, личного характера пререкания между Ирмагард Зайферт и мною, мелочи школьного быта, вопросы к кандидату на втором государственном экзамене на должность учителя и упакованные в цитаты вопросы бытия. Но как ни трудно было добраться от экрана до плевательницы, мне почти всегда удавалось избегать искажений картинки.

– Как то бывает, доктор, мои молочные зубы хранились долго, ведь то, что было однажды спасено, теряется снова не так скоро...

– Не будем обманывать себя: от зубного камня средств нет...

– Когда сын стал искать родителей, ему доставили брезентовый мешок...

– Поэтому сегодня одолеем зубной камень, врага номер один...

– И каждой девушке, предполагавшей во мне будущего жениха, доводилось видеть мои спасенные молочные зубы...

– Ведь инструментальное удаление зубного камня входит априори в любое лечение...

– Но не каждая девушка находила молочные зубы Эберхарда красивыми и интересными...

– Сейчас начали работать ультразвуком. Сполосните.

Досадный, как я подумал было, врез, ибо с помощью спасенных молочных зубов мне почти удалось заманить на экран мою бывшую невесту и начать (как я и сейчас хочу начать наконец свои жалобы), но мой врач воспротивился: рано.

¹ Picohenry – единица измерения концентрации водорода.

Пока я истово полоскал рот, он развлекал меня историческими анекдотами. Он рассказывал о некоем Скрибонии Ларге, изобретшем для Мессалины, первой жены императора Клавдия, зубной порошок: жженный олений рог плюс хиосская смола и аммиачная соль. Когда он признал, что уже у Плиния толченые молочные зубы упоминались как порошок, приносящий удачу, у меня в ушах снова прозвучали слова моей мамы: «Вот, деточка, я положу их тебе на зеленую вату. Пусть это будет тебе на счастье...»

Что значит суеверие! В конце концов я вышел из семьи моряков. Мой дядя Макс остался на Доггерской банке. Мой отец пережил «Кенигсберг» и до самого конца эпохи вольного города работал лотманом. А меня мальчишки сразу прозвали Штёртебекером. Я до конца оставался их вожак. Мооркене приходилось быть второй скрипкой. Из-за этого он хотел разрушить нашу банду. Но я этого не допускал: «Послушайте, ребята...» Не допускал до тех пор, пока наша лавочка не погорела, потому что этот мозгляк настучал. Надо бы как-нибудь все выложить, все по порядку, как было на самом деле, пустить на экран. Но не с обычными ухищрениями для занимательности – «Взлет и падение банды Штойбера», – а скорее научно, аналитически: «Молодежные банды в Третьей империи». Ведь никто еще до сих пор не заглядывал в дела эдельвейсовских пиратов, хранящихся в подвале Кельнского управления полиции. («Как по-вашему, Шербаум? Это должно ведь заинтересовать ваше поколение. Нам было тогда по семнадцати, как вам сегодня семнадцать. И нельзя не заметить определенных общих черт – отсутствие собственности, девушка, принадлежащая всей группе, полное неприятие всех взрослых. Да и преобладающий в 12-а жаргон напоминает мне наш рабочий жаргон...») Тогда была, однако, война. Речь шла отнюдь не о местах для курения и подобных ребячествах. (Когда мы обчистили хозяйственное управление... Когда мы подобрались к боковому алтарю церкви Сердца Господня... Когда мы на Винтерфельдской площади...) Мы оказывали настоящее сопротивление. С нами никто не мог справиться. Пока нас не выдал Мооркене. Или эта заборная жердь с ее зубами-резцами. Надо было их самим заложить. Или строгий запрет: никаких баб! Между прочим, тогда я носил на груди в мешочке свои молочные зубы. Каждый, кого мы принимали, должен был клясться моими молочными зубами: «Ничто изничтожается непрестанно». Следовало бы их принести: «Видите, доктэр, вот как быстро все идет. Вчера еще я был главарем молодежной банды, которой боялись в рейхсгау Данциг-Западная Пруссия, а сегодня я уже штудиенрат, учитель немецкого языка и, значит, истории, которому хочется уговорить своего ученика Шербаума отойти от юношеского анархизма: „Вам надо взяться за ученическую газету. Ваш критический дар нуждается в орудии“. Ведь штудиенрат – это тот же, только с обратным знаком, вожак банды – если вы возьмете меня мерилком – ничто так не донимает, как зубная боль, зубная боль уже несколько недель...»

Врач объяснял мою хоть и терпимую, но все-таки длительную боль неправильным строением челюсти: из-за этого ускорялась усадка десен и обнажались чувствительные шейки зубов. Когда очередной его анекдот не произвел на меня особого впечатления – «Плиний рекомендовал такое средство от зубной боли: насыпьте себе в ухо пепла от черепа бешеной собаки», – он указал через плечо своим скребком: «Может быть, лучше бы телевизор...» Но я настаивал на боли: сплошной крик. Жалоба, которую никак нельзя отложить. («Простите, пожалуйста, если я рассеян».)

Мой ученик вел свой велосипед через кадр: «Вы носите со своей зубной болью. А что произошло в дельте Меконга? Вы это читали?»

– Да, Шербаум, я это читал. Скверно. Скверно-прескверно. Но должен признать, что это дерганье, этот сквозняк, направленный всегда на один и тот же нерв, эта локализуемая, не то чтобы отчаянная, но топчущаяся на одном месте боль изводит, терзает и разоблачает меня больше, чем сфотографированная, необозримая и все же абстрактная, потому что не задевает моего нерва, мировая боль.

- Это не злит вас, не печалит хотя бы?
- Я часто пытаюсь печалиться.
- Вас она не возмущает, эта несправедливость?
- Я стараюсь возмутиться.

Шербаум исчез. (Он поставил велосипед в сарай.) Мой врач возник с соответствующей комнате громкостью:

- Если будет больно, пожалуйста, дайте тихонько знак.
- Дергает. Да. Вот здесь спереди дергает.
- Это ваши обнаженные, покрытые камнем шейки зубов.
- Боже мой, как дергает.
- Потом примем арантил.
- Можно сполоснуть, доктор, быстренько сполоснуть?

(И попросить прощения. Никогда больше не буду...) Теперь я слышал уже свою невесту: «Носишься со своей болью. Обидно слышать при прощании. Скажи мне номер своего счета, и я переведу тебе пластырек. Тебе же причитается рента. Начни что-нибудь новое. Подкорми свое хобби – орнаменты кельтских надгробий».

(Прочь от плевательницы к базальтовому карьеру на Майенском поле. Нет, мерцает она на кладбище в Круфте. Или это склад пемзы, и она среди пустотелых строительных блоков...) «Приноси пользу. Держу пари, из тебя получится первоклассный учитель...»

(Не пемза: Андернах. Ветренный променада у Рейна. Считать обкорнанные платаны между бастионом и автомобильным паромом. Взад-вперед со сводящими счеты словами.)

«Сколько педагогики вылил ты на меня по капле? Не грызи ногти. Читай медленно и систематически. Резюмируй, прежде чем отвлечешься. Пичкал меня Гегелем и этим своим Марксэнгельсом...»

(Неподвижная козья мордочка, из которой поднимаются пузыри текста, битком набитые осколками зубного камня, галькой памяти, щебенкой ненависти. Ах, Лойс Лейн!)

– Я взрослый человек. Я освободилась от тебя. Освободилась наконец. Ты зануда, неудачник, трус!

(А за говорящей машиной движение, вниз по реке – вверх по реке: пых-пых!)

– Ты был хороший, немного плаксивый учитель.

(На правом берегу Рейна Лейтесдорф с двугорбым, черно-бурым от дождя наростом Розенгартена: ох-ох!)

– Направь на что-нибудь свои способности. Брось пемзу и цемент, пока не поздно. Как ты предпочитаешь получить эти пятнадцать тысяч?

(У подножья нароста: товарные поезда и бегущие автомобили. Движение всюду старается служить фоном. Слова, слева и справа, минуя меня, выплевываются на пустую террасу гостиницы Траубе: плюх-плюх!)

– В рассрочку или одним махом?

(Вот я стою в своем ветрозащитном плаще. Задаток для супермена.)

– Ну, давай уже. Скажи номер своего счета.

(Когда-то андернахский бастион был рейнской таможенной крепостью куркельнских князьков...)

– Возьми это как компенсацию за ущерб и перестань хныкать.

(...позднее он стал памятником воинам, павшим с четырнадцатого по восемнадцатый. Камера качается. Помощник режиссера уговорил мою невесту покормить чаек: крик-крик!)

Она со мной рассчиталась. И я употребил деньги целенаправленно. Запоздалый студент переменил профессию. Боннский университет – я хотел остаться поблизости от нее – превра-

тил инженера-производственника, специалиста по центробежным фильтрам в стажера, а затем ассессора, который стал с прошлой осени штудиенратом, преподающим немецкий язык и историю. «Не лучше ли при ваших знаниях, – намекали решившему переквалифицироваться, – избрать специальностью математику?» – И этот, в парусиновых башмаках, тоже отвлекся от моего зубного камня: «Как вы могли, закончив машиностроительный институт, решиться на это? Это же навсегда?»

Я основательно прополоскал рот: если уж переучиваться, то полностью. Ее деньги я не бросил на ветер. Осталось даже ровно три тысячи (которые мне потом пришлось перевести на его счет, потому что больничная касса согласилась оплатить только половину стоимости). Вот чего стоил мне мой прикус. За это я вписался в его полуавтоматическую механику под названием «рыцарь», которая подавала множество инструментов в его умелую ручку, чтобы он... пока я... нет, мы оба в моей головенке, которая рада гостям: «Как по-вашему, доктор, лучше бы я придержал денежки?»

Моя невеста отказалась от передачи из Андернаха. «Мы только что видели, какое разрушительное действие оказывает на зубную эмаль супермена зеленый криптонит. Но какотреагируют зубы супермена на криптонит красный? Об этом расскажет наша следующая программа „Супермена“. – А мы тем временем заглянем в мастерскую криптонитчика...»

Она показывала мне мое окружение: «Этот красивой формы слюноотсасыватель с убирающимся шлангом приводится в действие водоструйным насосом и на всех дантистских выставках привлекает к себе внимание необычайной эффективностью». Таким голосом, словно она расхваливала елочные украшения, хвалила она промывку плевательницы и коленчатую фундаментную руку рыцаря: «Она делает чашу передвижной и по вертикали». И она на экране, и его ассистентка с влажными, орошенными пальцами – обе давали указания с помощью кнопок на переднем торце парящего столика. Как они меня обслуживали. Как выманивали из углубления слюноотсасыватель. Меня забавляло, как он прихлебывал, чавкал, изображал жажду, перед тем как его опускали в мою слюну.

«А язык, пожалуйста, расслабьте и уберите назад». Врач склонился над моим добром, закрыв собой четыре пятых экрана, поискал правым локтем опору между ребрами и бедром и принялся ковыряться между покрытыми камнем шейками моих верхних резцов: «Не глотать, на то есть отсасыватель. Вдохните, вот так... Может быть, мне все-таки...» Нет-нет (сегодня еще нет). Это мне хотелось услышать, когда он стесывал ракушечник с моих зубов...

Понимаете, Шербаум, это тоже надо описать: я собираю слюну, пену, кровь со всеми похрустывающими осколками, сплевываю, после того как мой язык проявил любопытство и испугался, все это богатство в плевательницу, хватаю удобный, умышленно маленький стаканчик, – чтобы не соблазнял пациента полоскать многократно, – полощу, гляжу на выплюнутое, вижу больше, чем там есть, прощаюсь со своим раскрошенным зубным камнем, ставлю стакан на место и забавляюсь, когда он сам наполняется тепловатой водой. Рыцарь и я – мы вместе планомерно работаем.

Ведь понимаете, Шербаум, одновременность множества действий надо описать: в то время как я сижу с разинутым ртом и цитирую про себя плачи Иеремии, рыцарь-левша балансирует парящим столиком, а мужчина в парусиновых башмаках передвигает эту подставку для инструментов, где ждут вызова его орудия. Например, слабوتочный прибор для электронного контроля зубов, который заряжается автоматически и не привязан к определенному месту. Он мог бы в кармане вывести его заряженным на прогулку, по лесным дорогам вокруг Грюнвальдского озера, вдоль Тельтовского канала, сходить с ним на выставку «Зеленой недели»

или в любое другое место, где подкрадывается к своей дичи и надеется уложить ее зубной врач: «Позвольте мне быстренько? Вот моя карточка. У вас, прямо скажу, рубящий прикус. При выступающей вперед нижней челюсти он делает вашу внешность слишком примечательной. Впечатление какой-то грубости. Дефекты надо сглаживать. Рекомендую вам мосты „дегудент“. Достаточно телефонного звонка. Мы договоримся о времени, удобном для обеих сторон. Всего шесть-семь сеансов, если не возникнет особых осложнений. Положитесь на меня и на мою скромную помощницу. К тому же вы сможете отвлечься благодаря телевизору. Да, даже слепой экран направит полет ваших мыслей. Только прошу вас поверить вместе со мной в мою бормашину „Рыцарь“ с ее быстроходными шарнирами – и в триста пятьдесят оборотов в минуту, которые турбоголовка моего аэромеханического устройства гарантирует при заглушенном звуке!»

– В самом деле?

– Я играючи меняю боры и точильные камни.

– А моя боль?

– Сделаем под местным наркозом.

– Так ли все это необходимо?

– Когда мы в конце наведем последний глянец, вы признаете, что ваша невеста не напрасно выплатила отступные.

– Мы были, как-никак, два с половиной года обручены.

– Выкладывайте, дорогой, выкладывайте!

– Это было в сорок пятом году...

– Недурное начало...

Это я рассказывал своему зубному врачу: «Но предупреждаю вас, доктэр, речь тут пойдет о трассе, пемзе, извести, мергеле и глине, о шифере и клинкере, о деревнях с названиями Плайдт, Кретц и Круфт, об этрингском туфе и коттенгеймских готовых изделиях из базальтовой лавы, о залежах пемзы у Коррельсберга и верхневулканических месторождениях базальта на Майенском поле – прежде чем она пойдет обо мне, Линде и Шлотау, о Матильде и Фердинанде Крингсе – сначала, предупреждаю вас, доктэр, речь пойдет о цементе».

Врач сказал: «Не только гипс, определенные, специальные сорта цемента составляют основу моего рабочего материала. Нам придется с этим иметь дело».

Итак, я начал: «Цемент – это полезная пыль, получаемая промышленным способом. Она создается путем размолла сырца-порошка и сырца-пульпы из известняка, мергеля и глины, путем размолла жженого клинкера, путем промывки и путем распыления воды и пульпы во вращающейся печи...»

(Как хорошо, что я еще все помнил наизусть. Уже мелькнула мысль поразить моих учеников этим детальным знанием. Конечно, Шербаум считал меня мечтателем не от мира сего. А своему врачу я посоветовал сделать вытяжку для возникающей при работе зубной пыли. Он указал на то, что благодаря одновременному отсасыванию слюны при обточке выброс пыли терпим. «Может быть. Но цель – полное удаление пыли». Цементные заводы избавляются от пыли с помощью специальных камер в печах, пылеудаляющих центрифуг, фильтров, дробилок, грануляторов, а также разбрасывания цементной пыли над Рейном между Кобленцем и Андернахом...)

– Я знаю местность перед Эйфелем. Лунный пейзаж.

– Но, как видите, годится для натуральных съемок.

– Во время съезда дантистов в Кобленце я с коллегами побывал в Мария Лаах.

– Это было еще в пределах нашей пылесосаочной зоны. Ведь до моего времени обе трубы крингсовского цементно-трассо-пемзового завода имели только тридцативосьмиметровую высоту. Если тогда выбросы распределялись лишь в непосредственном окружении завода, то сегодня, после того как трубы сделали выше, а особенно после того как перешли к осушению

с помощью газообменников и установили охладитель, крингсовский цемент снизил выброс пыли до 0,9 процента, и она равномерно распределяется за Рейном по всему Нойвидскому бассейну...

– Просто замечательная забота об обществе со стороны руководства фабрики...

– Скажем лучше: здоровое стремление к выгоде. Ведь количество пыли, возвращаемое системой электрофильтров, доходит до пятнадцати процентов произведенного клинкера...

– А я-то, маленький, пробавляющийся газетками зубной врач, думал, что удаление промышленной пыли имеет исключительно общепольный смысл...

(Позднее я познакомил с проблемами усиливающегося загрязнения воздуха свой 12-а. Даже на Шербаума это произвело впечатление: «Не понимаю, почему вы стали учителем, если, занимаясь очисткой воздуха, вы могли сделать гораздо больше...»)

– Я думаю, доктэр, мы можем говорить о двойном эффекте. Благодаря моей заблаговременной инициативе в середине пятидесятых годов удалось, с одной стороны, рациональней работать, используя полноценную пыль, а с другой стороны, сдержать волну справедливых коллективных протестов, беспокоивших руководство нашего завода. Сначала Крингс отметал мои предложения: «То, чем в старину были извержения вулканов, эрозии и пыльные бури – это для нас сегодня выбросы дыма и пыли в индустриальных районах. Мы живы пемзой, трассом, цементом. Значит, мы живы и пылью!»

– Современный стоик.

– Уж Сенеку-то Крингс знал.

– Философ, который и сегодня мог бы нам кое-что сказать.

– Чтобы сделать свои заключения нагляднее, – ибо убедить Крингса можно было только практическими примерами, – я вставил в доклад об интенсивном воздухоочистительном хозяйстве Федеративной Республики такой образ: если атмосфера служит народному хозяйству главным образом как приемник для находящихся во взвешенном состоянии твердых и газообразных веществ и если воздух по-прежнему загрязняется в том близком к поверхности земли слое, который одновременно обеспечивает дыхание не только людям и животным, то пора пригласить в свидетели обвинения природу! – Вот здесь, доктэр, вы видите фотографию старого бука из парка крингсовской виллы, «серого парка», как его принято называть. У этого ветвистого дерева поверхность листьев составляет примерно сто пятьдесят квадратных метров. Поскольку за год при постоянном оседании на один гектар букового леса приходится около пятнадцати тонн мелкой пыли, нетрудно с помощью этого бука ясно представить себе нагрузку парка площадью в один гектар, состоящего наполовину из хвойных деревьев, – тем более что на одном гектаре хвойного леса оседает за год до сорока двух тонн мелкой пыли... Должен признать, что мой доклад заставил Крингса согласиться на установку электрического фильтра.

– Одним словом, вы добились успеха.

– Тем не менее крингсовский парк ввиду его близости к заводу так и остается «серым парком», хотя, благодаря моему упорству, шансы буков улучшились.

Врач заставил меня усомниться в своей заинтересованности, прибавив: «Природа скажет вам за это спасибо». (Этот страх, что меня не принимают всерьез, царит и на моих уроках. Смешки учеников – или когда Шербаум, словно тревожась за меня, склоняет голову набок – заставляют меня терять нить, и бывает, что кто-нибудь из учеников, тот же Шербаум, возвращает мне ее небрежным «мы остановились на Штреземане» – как и врач, вернул меня к теме, поощряюще спросив: «Что же стало с вашим Крингсом?») «Только сперва еще раз прополощите, пожалуйста...»

Дальше уже мало что получилось. Пульпа из камня. Шелест заметок. Отвращение от начитанности. Затем попытка воссоздать на плоскости столика для инструментов между червями ампул и поворачивающейся горелкой Бунзена пейзаж раннего лета. Совокупность сомнений штудииенрата. Напрасные попытки быть грустным, злым, пораженным. Сквозняк между шейками зубов. Ямочки от смеха на лице Шербаума. «Во всяком случае, доктор, так это началось...»

Общим планом предэйфельский пейзаж, если смотреть из Плайдта в сторону Круфта. Перед летним скоплением облаков заглавие «Проигранные битвы». Остальные заглавия во время медленной езды по разодранной, разгрызенной, грубо зарубцевавшейся территории, где добывается пемза, к двухтрубному крингсовскому заводу. Сейчас я говорю, как если бы вел экскурсию:

«Крингсовский завод, являющийся частью возрожденной строительной промышленности Федеративной Республики, производит из богатых и разнообразных полезных ископаемых вулканического Эйфеля материал для строительства зданий, туннелей и дорог. Подъем цементной промышленности перед последней войной и во время войны – напомню о строительстве автобанов, кроме того, об укреплении нашей западной границы, кроме того, о производстве бетона для бомбоубежищ и не в последнюю очередь о бетонных сооружениях на атлантическом побережье – оказал благоприятное воздействие на дальнейшее, мирное уже развитие производства трассцементов и на применение железобетона в строительстве. Поскольку веление времени – инвестировать, инвестировать значит модернизировать... Наш крингсовский завод тоже должен будет включиться в этот процесс. Если сегодня еще тонны, десятки тонн высококачественной цементной пыли вылетают в трубу, пропадая для производства, то уже завтра электрические фильтры...»

Голос заводского инженера медленно убавляет громкость. Камера следит за вылетающим из трубы дымом. Общим планом отработанные газы и их клубящаяся динамика. Затем, с птичьего полета, общим планом Предэйфель между Майеном и Андернахом до другого берега Рейна, а потом общий план, сужаясь, пикирует на крингсовский парк рядом с крытой шифером, базальтово-серой крингсовской виллой. Крупным планом цементная пыль на листьях бука. Бугры и кратеры. Раздрызганные пористые островки, оставшиеся от последнего дождя. Пыль струйками перемещается. Рваные структуры цемента на сжавшихся листьях. Скользящие, ползущие гряды пыли над беспричинным девичьим смехом. Перегруженные листья не выдерживают тяжести. Смех, облака пыли, смех. И только теперь группа девушек в шезлонгах под отягощенным цементной пылью буксом. Неподвижная, затем скользящая камера.

У Инги и Хильды лица закрыты газетными листами. Зиглинда Крингс, которую обычно зовут Линдой, сидит, выпрямившись, в шезлонге. Ее удлиненное, замкнутое лицо, которое козья неподвижность делает выразительным, не участвует в двухголосом смехе под газетной бумагой. Инга снимает с лица газету: девушка незавершенно красива. Хильда следует ее примеру: мягкая, здорово-сонная, она любит щуриться. На столике для шитья, между прикрытыми конспектами лекций стаканами с кока-колой, лежит третий газетный лист, на котором скопилось цементной пыли на добрую чашку. Камера задерживается на натюрморте. Захваченные ею крупные заголовки сокращают фамилии Олленхауэр, Аденауэр и термин «ремилитаризация». Подруги Линды хихикают, ссылая в ту же кучку цементную пыль с газетных листов.

Хильда: Скоро мы спасем целый фунт крингсовского цемента.

Инга: Подарим Харди на день рождения.

Теперь они болтают о планах на каникулы. Инга и Хильда не могут решить, предпочесть ли Адриатике Позитано.

Хильда: А куда собирается наш маленький Харди?

Инга: Может быть, он теперь интересуется пещерной живописью? – Смех.

Хильда: А ты? – Пауза.

Линда: Я останусь здесь. – Пауза и струйка цементной пыли.

Инга: Потому что вернется твой отец? – Пауза. Цементная пыль.

Линда: Да.

Инга: Как долго, собственно, пробыл он там?

Линда: Без малого десять лет. Сперва в Красногорске, затем в изоляции в Лубянской тюрьме и в Бутырской, под конец в лагере во Владимире, восточней Москвы.

Хильда: Ты думаешь, это его сломило? – Пауза и цементная пыль.

Линда: Я его не знаю. – Она встает и уходит прямо в сторону виллы. Камера смотрит, как она уменьшается.

Памятник. Только в кабинете зубного врача мне удалось расчленить мою скульптурную невесту: от кадра к кадру она меняла юбки, изредка пуловеры. Ей угодно было возникать наплывом одной или со своим Харди, то среди дрока возле заброшенного базальтового карьера, то в гостинице «Дикарь» сразу за нойвидской дамбой, то на андернахском променаде у Рейна, порой на приисках в долине Нетте и то и дело на складе пемзы, а Харди хотелось наплывов, которые показывали бы его как следопыта-искусствоведа среди римских и раннехристианских базальтовых глыб, или же он объяснял бы Линде на самодельной модели свой любимый проект – электрический фильтр для цементной печи. Кадр: оба далеко на противоположном берегу Лаахского озера. Кадр: оба укрываются от дождя в заброшенном сарае каменотеса на Бельфельде. (Спор, который приводит к коитусу на шатком деревянном столе.) Кадр: она в полу-восстановленном Майнце после лекции. Кадр: Харди фотографирует герольдский крест...

«Кто это Харди?» – спросил врач. Его ассистентка также выдала свое любопытство холодно-мокрым нажатием. «Тот сорокалетний штудииенрат, которого его ученики и ученицы добродушно-снисходительно называют „Old Hardy“, тот Old Hardy, которому вы, при поддержке окоченелого троеперстия вашей ассистентки, удаляете слой за слоем зубной камень, тот Харди...»

Я со своими вовремя брошенными германистикой и искусствоведением, со своим построенным в Аахене дипломом инженера-машиностроителя, со своими тогда двадцатью восемью годами, со своими любовными связями и своим почти бескризисным жениховством – преуспевающий молодой человек среди преуспевающих послевоенных молодых людей. После полупонятых фронтовых впечатлений восемнадцатилетний Харди в августе сорок пятого, в Бад-Айблинге, у подножья вечно мокнущих под дождем гор, выпущен из американского плена – с тех пор к нему и прилипло уменьшительное имя Харди. Восточный беженец Харди, с удостоверением беженца категории «А», поселяется у тетки в Кельн-Ниппесе и спешит сдать экзамен на аттестат зрелости. Студент первого семестра, совмещающий учение с оплачиваемой работой, помнит слова своего отца: «Будущее человечества – в строительстве мостов!» И поэтому в Аахене он следует завету отца – зубрит статику, кое-как поддерживает меняющиеся знакомства, вступает незадолго до экзамена в какое-то студенческое объединение, благодаря чему его представляют так называемым старикам – инженер-машиностроитель Эберхард Штаруш, лишившийся из-за войны родителей и потому вдвойне старательный, с первого же прыжка становится на ноги у Дикерхофа-Ленгериха, на заводе, производящем мокрым способом цементный клинкер. Не отрекшийся от своих искусствоведческих склонностей, Харди осматривает камни-утесы в близлежащем Тевтобургском лесу и знакомится с лепелевским способом обжига. Ибо у Дикерхофа заранее проектировали переход всех заводов с мокрого способа на сухой. Харди продвигается по службе. Харди пишет исследование об использовании цемента для глубинного бурения и трассового цемента при строительстве бункеров для

подводных лодок в Бресте. Харди получает возможность подробно изложить это исследование на конференции специалистов широкой публике, то есть руководителям западногерманской цементной промышленности. Для своего возраста весьма сведущий, обладающий приятной внешностью и преуспевающий Харди знакомится в Дюссельдорфе, благодаря этой, исторической уже конференции, с двадцатидвухлетней Зиглиндой Крингс, а на следующий день – за чаем, в перерыве между заседаниями – с ее теткой Матильдой Крингс, дамой в черном, немногословной правительницей крингсовских предприятий. Харди как бы невзначай вступает с обеими в разговор. Один из «стариков» аахенской студенческой корпорации с похвалой отзываясь о Харди в беседе с Матильдой. Харди пользуется заключительным празднеством в гостинице «Рейнишер Хоф»: он несколько раз, но не слишком часто танцует с Зиглиндой Крингс. Харди умеет болтать не только о центробежных фильтрах, но и о красоте романских построек из базальта между Майеном и Андернахом. После полуночи, когда в кругу специалистов воцаряется цементирующее влажно-веселое настроение, Харди позволяет себе один-единственный коротенький поцелуй. (Зиглинда Крингс произносит знаменательную фразу: «Знаете, если я втрескаюсь в вас, это вам дорого обойдется...») Во всяком случае, Харди производит впечатление и вскоре покидает Дикерхофа-Ленгериха с самыми лестными рекомендациями. Целиком и полностью, то есть вполне успешно, вживается он в крингсовские предприятия: с той же быстротой и осмотрительностью, с какой он внедряется в широкий замкнутый круг потребителей цемента в Европе, Харди, проявляя такую же хватку, умудряется назначить на февраль пятьдесят четвертого года празднование своей помолвки. С учетом того, что будущий тесть все еще пребывал в плену, оно состоялось на отшибе, в долине Аара, в Лохмюле. На серых тонов экране появляются Зиглинда в шиферно-сером костюме и Харди в базальтово-сером однобортном пиджаке, светская, немного чересчур благополучная пара, способная для подстраховки украдкой мигнуть друг другу, часто относимая к поколению скептиков и все больше и больше подозреваемая в ретивом делячестве, ибо Зиглинда, под моим влиянием, взялась в Майнце за ум: она систематически и безучастно изучала медицину – а я основательно, рьяно и столь же безучастно знакомился с трассом долины Нетте, с крингсовским производством трассового цемента, но особенно с нашими устаревшими автоматами для переработки пенистой лавы, а значит, и с пемзой...

Когда врач попросил меня еще раз прополоскать рот, – «А потом отполируем, чтобы не так быстро нарастал новый камень», – я воспользовался этой паузой как приглашением к маленькой лекции сперва о разработках трасса у римлян в первой половине первого века до нашей эры – «Между Плайдтом и Кретцем до сих пор встречаются штольни с латинскими надписями, нацарапанными римскими горняками», – чтобы потом, пока он полировал, перейти к пемзе: «Геологически пемза относится к лаахским трахитным туфам...»

Он сказал: «Хорошая полировка гарантирует, что верхний слой эмали останется цел».

Я рассказал о среднем голоцене, о белых трахитных туфах и о залегающем между ними лёссе. Он еще раз указал на мои оголенные шейки зубов и сказал: «Ну вот. Готово, дорогой. А теперь возьмем-ка зеркальце...»

На вопрос врача: «Что скажете?» мне оставалось ответить только: «Чудесно, просто чудесно!»

Он углубился в проявленную тем временем рентгенограмму, которую его помощница передвигала от картинке к картинке, словно устраивала нам вечер с демонстрацией слайдов. Снимок показывал какие-то беспорядочно торчащие, прозрачные, как призраки, зубы. Только пробелы в области коренных зубов – слева, справа, сверху, внизу – доказывали мне, что это именно моя челюсть. На это я отозвался: «Уже на глубине одного метра под гумусом лежат пемзы...», но врач не пожелал отвлекаться: «Снимок хоть и показывает, что зубы, которые нужно заменить мостом, находятся в удовлетворительном состоянии, но я все-таки должен ска-

зять: у вас настоящая, а „настоящая“ значит врожденная, прогения, то есть сильное выступание вперед нижней челюсти». (Я попросил врача включить обычную телевизионную программу.)

Шла реклама, забирая одну восьмую моего внимания. Он смазывал мои усталые десны и все еще делал выводы: «При нормальном прикусе нижняя челюсть отступает от верхних резцов на миллиметр-полтора назад. А у вас...»

(С тех пор я знаю, что мой неправильный прикус, который он называл настоящим ввиду его врожденности, можно определить по горизонтальному уступу в два с половиной миллиметра: это мой примечательный профиль.)

Знает ли этот зубных дел мастер, что к его точильным и полировочным средствам примешана в виде порошка пемза? И знает ли эта рекламная коза, кажущаяся мне знакомой, подзрительно знакомой, что ее отмывающие и очищающие снадобья содержат пемзу, нашу пред-эйфельскую пемзу?

Врач не отступал от моей прогении: «Это, как ясно показывает ваш снимок, приводит к атрофии челюстной кости или альвеолярного гребня...»

Она хотела продать мне морозильник. Пока врач предлагал свои хирургические решения, – «Распилив просто-напросто восходящую ветвь челюстной кости и сдвинув ее назад, мы исправим вам прикус...» – Линда пела свой припев: «Всегда свежие при полной сохранности всех витаминов...» и предлагала оплату в рассрочку. Затем она открыла морозильник, где между зеленым горошком, телячьими почками и калифорнийской клубникой хранились под флером изморози мои молочные зубы и школьные сочинения, мое удостоверение беженца категории «А» и моя научная статья о трассовых и бурильных цементах, мои сгущенные желатина и разлитые по бутылкам поражения. А в самом низу, между окуновым филе и содержащим железо шпинатом, голая и покрытая инеем, лежала она, которая только что рекламировала свой товар в юбке и пуловере. О Линдалиндалиндалинда... (Завтра я предложу это своему 12-а как тему для сочинения: «Морозильник: смысл и оттенки смысла».) Ах, как длится она в холодной дымке. Ах, как сохраняет свежесть боль, если ее заморозить. Ах, как потускло золото, изменилось золото наилучшее...

Врач предложил выключить телевизор. (Ирмгард Зайферт отрекомендовала мне его как человека чуткого.)

Я кивнул головой. И когда он вернулся к моей прогении, – «Но от хирургического вмешательства я советовал бы воздержаться...» – я кивнул снова. (И его мокро-холодная ассистентка тоже кивнула.)

- Можно мне теперь уйти?
 - Поэтому я советую поставить коронки на коренные.
 - Прямо сейчас?
 - Камень задал нам достаточно дел.
 - Значит, послезавтра, перед вечерними новостями?
 - И примите еще две таблетки арангила на дорогу.
 - Да ведь почти не было больно, доктор...
- (Его ассистентка – а не моя невеста – подала мне таблетки, стакан.)

* * *

Когда я пришел домой и мой язык стал искать за зубами исчезнувшую шероховатость, я нашел на своем письменном столе рядом с пепельницей проверенные тетради для сочинений 12-а, несколько недочитанных томов, свою начатую докладную записку по поводу солидарной ответственности учеников с полемическим разделом «Где и когда ученику разрешается курить», рядом, среди брошюр, директивы к реформе верхней ступени, а перед пустой

рамкой для портретов, под кипой вырезок из газет и фотокопий, досадно тонкую папку с рабочим заглавием, выведенным большими буквами. Под глыбинами римского базальта, – большей частью это обломки ступок, которыми я пользовался как пресс-папье, – я нашел бумагу...

Горе, мой зуб. Горе, мои волосы в гребенке. Горе, моя куцая идея. Ах, сколько проигранных битв. Каждая новая боль острее предшествующей. Или то, что всплывает и вспоминается: прошлогодний карп, канун Нового года. Горе, тени, горе. Галечник, горе. Горе, зубная боль, горе...

При этом я хотел только удалить зубной камень, хотя и предчувствовал: он что-нибудь да найдет. Они же всегда что-то находят. Известное дело.

Когда вскоре после моего возвращения позвонила Ирмгард Зайферт, – «Ну, как? Не так страшно, а?» – я мог подтвердить: не садист. Притом словоохотлив и все же деликатен. Довольно образован. (Знает о Сенеке.) При боли сразу же прерывает свои манипуляции. Немножко наивен, верит в прогресс – надеется на лечебную пасту, – но терпим. А телевизор действительно чудесный, хотя и смешной.

Ирмгард Зайферт, с которой с тех пор у нас общий зубной врач, я хвалил его по телефону: «Голос у него мягкий, и только когда он начинает поучать, приобретает педагогическую решительность...»

Как он сказал: «Враг номер один – это зубной камень. Пока мы ходим, медлим, спим, зеваем, повязываем галстук, перевариваем пищу и молимся, слюна неукоснительно выдает его на-гора. Это накапливается и приманивает язык. Он всегда тянется к отложениям ракушечника, любит шероховатости и доставляет пищу нашему врагу, камню, укрепляет его. Камень покрывает корой и душит шейки зубов. Он слепо ненавидит эмаль. Меня вы не проведете. Достаточно одного взгляда: ваш камень – это ваша окаменевшая ненависть. Не только микрофлора в полости вашего рта, но и ваши запутанные мысли, ваша постоянная оглядка назад, – с вечным желанием посчитаться, когда все взаимно засчитывается, склонность, стало быть, ваших оседающих десен к образованию улавливающих бактерии карманов, все это – сумма стоматологической картины и психики – вас выдает: угнездившаяся жестокость, задатки убийцы – сполосните-ка! Сполосните-ка. Камня еще предостаточно...»

Я все это оспариваю. Как штудиенрату, преподающему немецкий язык и, стало быть, историю, насилие мне ненавистно, глубоко ненавистно. А своей ученице Веро Леванд, которая в районах Далем и Целлендорф целый год занималась так называемым звездосбором, я сказал, когда она в классе выставила свою коллекцию спиленных «мерседесовских» звезд: «Ваш вандализм – всего только самоцель».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.